

П-СТЭПИДЕМИЯ

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

КАК СЛОВО НАШЕ
ОТЗОВЁТСЯ

ЕЛЕНА ХАЕЦКАЯ

Елена Владимировна Хаецкая
Как слово наше отзовется
Серия «Постэпидемия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53771655

Аннотация

Рассказ петербургской писательницы Елены Хаецкой создан в жанре «городской легенды» и повествует о силе человеческой мысли и человеческой эмпатии, способных в экстремальной ситуации воплощаться в материю.

Содержание

1.	4
2.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Елена Хаецкая

Как слово наше отзовется

1.

Евсеев был бухгалтером и поэтом, а Серёгин – сантехником и философом. Евсеев – человек малозаметный, в отличие от Серёгина, который как сантехник пользовался в микрорайоне широкой известностью.

Тощий, высокий, нескладный, со слишком длинными ногами и коротковатым туловищем, что бросалось в глаза, впрочем, только когда он надевал пиджак, Евсеев носил исключительно свитера, которые удачно маскировали эту особенность его фигуры.

Они с Серёгиным любили постоять во дворе и потолковать о важных вещах: о новом памятнике, который то ли по делу воткнули в скверике, то ли вообще не по делу (вопрос бурно дискутировался среди местных жителей), о вздорной старушке, которая *из принципа* не прибирает за своей собакой, о раздельном сборе мусора, о том, что в парке завёлся настоящий сыч и на него открыта фотоохота, но нужен дорогостоящий объектив (и Серёгин знает, у кого одолжить).

В качестве поэта-любителя Евсеев нередко посещал литературные семинары и конвенты. Именно там он то и де-

ло встречался со своим бывшим одноклассником, которого звали Касьян Куприянов. Оба они, и Евсеев и Куприянов, творили исключительно любительским образом, не дерзая войти в когорту профессиональных литераторов, однако на конвенты ездили исправно и периодически публиковались в сборниках, выходящих небольшими тиражами.

Однажды оба они участвовали в семинаре, который призван был «отточить поэтическое мастерство путём игры».

Для начала мэтр прочитал две строки:

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовётся...*

После чего попросил назвать автора. И тут, что называется, разверзлись бездны: литераторы предполагали, что хрестоматийные строки написал Лермонтов (потому что они похожи на «Выхожу один я на дорогу», пояснил бородастый мальчик), Пушкин (потому что они очень философские, объяснила, покраснев пятнами, молодая женщина в тёмной «водолазке» и юбке в пол), Плещеев (с победоносным видом объявил крепыш с коротко стриженными светлыми волосами)... Мэтр иронически похвалил крепыша за то, что тому известно о существовании поэта Плещеева, но автором строк оказался всё-таки Тютчев.

После чего мэтр нанёс второй удар: попросил закончить четверостишие.

Евсеев встал и сказал:

– «И нам.... э-э... даётся, как нам даётся благодать».

– Что у нас на месте «э-э»? – Мэтр обвёл взглядом аудиторию.

Участники семинара обречённо молчали. Евсеев снова сел.

– Раскаянье, – пискнула молодая женщина в «водолазке».

– Неправильно! – прогремел мэтр. – Ещё варианты?

– Сочувствие! – возмущённым басом произнесла пожилая дама и захлопнула блокнот, в котором что-то яростно писала. – Стыд и позор!

Мэтр чуть прищурился и произнес, не сводя глаз с пожилой дамы:

– Хорошо, третий вопрос: а что там дальше?

– Это знает любой школьник! – отрезала дама.

– Прошу, – вкрадчиво произнес мэтр.

Дама отвернулась, уставилась в окно и засопела.

Евсеев сказал:

– Дальше там ничего.

Касьян внезапно осознал, что Евсеев прав: у Тютчева четверостишие. Он сам хотел это сказать, но побоялся ошибиться. Мэтр славился ядовитым языком, и Касьяну очень не хотелось испытать на себе язвы этого жала.

– В хорошем стихотворении одно слово нельзя заменить другим без ущерба для ритма, звукописи и смысла, – сказал мэтр. – Даже в таком ужасе, как «О вы, надменные потомки

известной подлостью прославленных отцов, пятою рабскою поправшие обломки игрою счастья обиженных родов», – как ни странно, ни одного слова заменить не получается. Я пробовал, – задумчиво прибавил он. – Это вам не «Панмонголизм! Хоть имя дико...», где вместо «панмонголизм» можно сказать «пирамидон» и мало что изменится...

Пожилая дама шумно переменяла позу, а Евсеев сказал: – А с «нам не дано предугадать» что? Ведь «раскаянье» подходит...

– Кому-то подходит, а кому-то нет, – сказал мэтр. – Но суть игры не в этом. Оставляем две первых строки, которые составлены идеально и именно поэтому врезаются в память, и дальше пишем своё. Хоть «раскаянье», хоть вообще что-то другое.

...И понеслось... «Слова содержат благодать, не зря язык нам всем даётся», «Словами много можно дать, словами можно и отнять, вся мысль словами отольётся»...

Евсеев один ничего не стал сочинять. Он вышел посреди семинара. Следом за ним выкатилась пожилая дама. «Закурить есть?» – спросила она басом. «Здесь, вроде, нельзя», – ответил Евсеев. «Какой робкий, – хмыкнула дама. – Ну так пошли туда, где можно...»

– Парад убогости, – запыхтела она, окутывая Евсеева дымом. – Зачем он вообще это устроил? Показать, что все дураки, кроме него?

Евсеев сказал:

– Нам не дано предугадать.

– В смысле?

– Человек отвечает за свои слова, – сказал Евсеев. – В самом прямом смысле. Звук бесконечно летит в космосе. И рано или поздно может на что-то повлиять. Даже на что-то огромное.

– Вы что, в ноосферу верите?

– Я верю в силу слов, я верю в слов набат, – сказал Евсеев. – До свидания. Спасибо за компанию.

Он ушел, чувствуя, как она сверлит глазами его спину.

2.

После этого семинара Евсееву неожиданно написал на электронную почту Касьян. Предложил встретиться. Евсееву не хотелось вечером ещё куда-то идти, но Касьян настаивал, и в конце концов Евсеев всё-таки пришёл в кофейню возле станции метро.

– Скажи, Евсеич, зачем ты таскаешься на все эти литературные семинары? – без предисловий заговорил Касьян. – Только правду говори, не рассказывай мне там про «хобби» и «встречи с интересными людьми».

Евсеев молчал, утопив острый подбородок в вороте свитера.

Тогда Касьян надвинулся на него и спросил прямо:

– У тебя ведь тоже это есть? Эта... ну, способность?

Евсеев отстранился, глянул исподлобья:

– Ты о чём?

– Сам знаешь.

– Ничего я не знаю. Еще про «ноосферу» скажи. Бэтмен нашёлся.

– Какую ноосферу? – опешил Касьян. – При чем тут Бэтмен? Я о твоих персонажах.

Евсеев попытался уйти, но Касьян удержал его:

– Погоди, это важно... Они ведь у тебя оживают, так?

– Ты о чём вообще? Как они могут «оживать»? Они же

написанные. Они – слова. Невещественные. Летят в космосе и ни на что не влияют. Или влияют, но нам предугадать это не дано.

– Ну, мне-то можешь не врать, я-то тебя всю жизнь знаю... Если ты кого-то описал, он потом становится настоящим. Ну, живым. Ходит, ест, ругается. Ты поэтому почти ничего и не пишешь. Боишься.

– Что значит – «настоящим»? – Евсеев снова уселся на стул и принялся пить кофе, держа чашку обеими руками. – Кого я боюсь? Ерунда какая-то. Я вообще-то бухгалтер.

Касьян сказал, глядя в потолок:

– Дело в том, что я тоже так могу. А про тебя я догадался. Ну и когда догадался, стал ездить по конвентам и высматривать: может, у кого-то ещё получается. Ты как, нашёл кого-нибудь такого же?

Евсеев молчал. А Касьян продолжал тихо, лихорадочно:

– Ты их придумываешь, и они выходят со страниц в реальную жизнь. Так у тебя? Так? У меня случай был тяжёлый, – разоткровенничался он. – Когда я впервые понял, что они по правде у меня оживают, написал для себя девушку, какую хотел. Чтобы ко мне не придиралась, любила таким, как есть, зарабатывала прилично, все по дому успевала, умела готовить и при этом чтобы не портился маникюр... Ну такую, идеальную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.